

Дорожное

Путешествую даже в дни неподвижности,
Из больничной повинности,
Из любовной подвешенности,
Даже если глажена против шерсти я,
Даже если не двигаюсь – путешествую.
Пусть весь год состоял из зимы и осени,
Пусть невесел дом и счета неплачены –
Путешествую! – в ожиданье просины,
В отрицанье проседи, не иначе.

Даже будет карета давно заложена –
В смысле, за долги все равно что продана –
Я найду рыдван, что-нибудь поплоше,
И на заднем сидении, в бездорожье –
Спутешествую в глушь – за бугор – на родину
Мимо злобствующих таможенников,
Никуда не едущих бюрократов.
Спутешествую. Мне положено
Путешествовать, чтоб потом обратно
Пробираться надмирными коридорами
И тарашиться в навигатор,
Спорить с болью, считать снотворное...
Это кажется сумасшествием?
Я живу, пока путешествую.
Я живу пока, путешествую – непонятно?

Еще не знает себя

Сезон проходит на побережье.

Две полоски купальника – всей одежды.

С утра пылит по тропинке вниз.

Здесь почти совершенно. Такой каприз –

лежать до заката. Уходит с солнцем.

Полотенце, две фруктины, томик толстый.

Всегда одна, и мальчишки, маясь, издалека изучают абрис полупрозрачный и нос серьезный. Они прозвали ее pomposa*.

Вздывает песок вдоль всего залива.

Скрежещут во рту виноград и слива.

Она проводит на побережье сезон, но всегда ей хочется куда-то еще.

Почернела так, что ее не узнать, но она не верит совсем в зеркала,

и, когда под водой проплывает рыба,

она думает, что глядит на себя.

*(итал.) – высокомерная

Поиски древней Греции

В царстве кожи и меха общешься древней Эллады.

Поезжай лучше к туркам, в страну бесконечного чая,

Где из Греции специи жар добавляют в прохладу,

Где обычаи пряны, где странных людей привечают.

Поскреби-ка страну, я уверена – не пожалеешь.

За две тысячи с лишком несчетно песчинок налипло.

Отслоив Капыкыры, находишь следы Гераклеи,

А гора Улудаг отделяет тебя от Олимпа.

Здесь заварено небо покрепче, руины как ранки,

Пятипалая Латмос дымится перченою пищей,

А глаза у турчанок сверкают нездешней огранкой

(У гречанок, я думаю, вряд ли такие отыщешь).

Местным жителям древняя Греция – просто соседка,

Синекрылая бабочка, в сон погруженная томный:

Именами богов называют лавчонки нередко

И приезжих ведут поздороваться с Эндимионом.

По душе их базары и фески, торговля и споры,
Пьяный дух порто-франко мне, дочке Эвксинского Понта.
– Эге-гей! – окликаю фелуки Эгейского моря.
– Эге-гей! – откликается Черное за горизонтом.

Из Эфеса в Измир, и – лети в отдаленные горы
Самолетом "Пегаса", а дальше – возница небыстрый
Черно-желтого вэна отеля с капризным мотором
Каппадокии сонные соты наполнит туристом.

До сих пор с полководцем блуждаю, с философом спорю,
Высыпаю, приехав, смешные, в песке, безделушки.
– Эге-гей! – засыпая, шепчу я Эгейскому морю.
– Эге-гей! – откликается Черное из-под подушки...

На озере

Если думать об озере, это должно быть нечто,
Вроде глаза, распаивающегося в бесконечность.
Если думать об образе – нету страшнее шага,
Чем в неизвестность озерной покорной влаги.
Погружаясь в образ, ступаю смело
В озера вздрагивающее тело,
Что покуда живо. Приходят на водопой
Люди и звери, открытые чуду.
И где-то, счастлив своей судьбой,
Шагает по кромочке golden boy –
Мальчишка, осваивающий воду.

По выходным, на набережной

Битые-перебитые, встрепанные, негордые
дети сидят на пристани
и наблюдают пристально
за прибытием теплохода.
Раскрашенного, большого.
Ежевоскресное шоу.

Наглые, злые, бывалые городские птицы
сами себя прокормят.
Что им зерна да хлебные корки.
Накрошили бы лучше пиццы.
Больше не верят в приманки:
врали, бывало, столько им.

Неожиданно мягкие, теплые
губы матери-наркоманки.

Реинкарнация дома на картинке неизвестной девочки

Кариес коричневого кирпича суров и коряв.
Дом поглощает девочку, за квадратом квадрат,
Вместе с бонсаевой кадкой.
Замурована в клаустрофобии кладке,
Затемняет коричневым окна – чей-то тюремный кошмар.
Коричневой курицы перья
Проредили наперника эпителий.
Что топорщится под подушкой – Библия? Коран?

Никакой надежды отбелить этот дом.
Очень хочется пенья, печенья в сахарной пудре, ветра.
Разверните младенца - впусите нездешний свет,
Или книгу раскройте, или звук извлеките из струн.
У девочки – коричневый, мучимый ум.
Дайте девочке шанс забыть о том,
Что случилось в доме, нащупать стоп-кран...

Тяжелее, однако, быть домом,
Безвыходным воем, адом
Девочек, населяющих тридцать квартир, изо всех углов
Их вежливо выпускать по утрам
И ни разу

Не поддаться соблазну
Выгнать пинком.

Город и его обитатели

***

В арабском Бруклине в час намаза,
В хасидском Бруклине в ночь субботы
Ничуть не кажется мне опасным
Бродить невиннейшим пешеходом.
В тревожном, сумрачном, грязноватом
Карибском Бруклине колют шины,
Под ребра вкальваются взгляды,
Коптят козлятину, горбя спины.
В латинском Бруклине среди сора
Шуршат штанами по тротуару.
Кастет и нож – диалог веселый,
И редкий мачо здесь встретит старость.
Прорежут днище районы-риффы?
Пойду мостом, до меня воспетым.
Над головою порхают рифмы,
Парят, зависнув, над парашютом.

Подоконник

Розовая восковая пена,
Старое словечко "вполнакала",
Ханука и глянцево-стены
Узкого хрустального бокала
(Кажется, зовут такие "флейта"?),
По спине скользит озноба нега.
Город мой не помнит запах лета,
Но никак не разрешится снегом.
Достаются клетчатые пледы,
И продленным чудом льется в вены
Праздник нескончаемого света,
Три глотка закатного глинтвейна.

***

Потоп в мастерской! Художник – Ной:
спасает, подсаживает,
картине отчаянно машет рукой,

подзывает. Голос его разворачивается –
рулон цветной бумаги.
Он раскачивает полотно, как младенца –
наряженного, раскрашенного.
Осторожней, уронишь
в поток – многоцветней осеннего пейзажа,
напитаешь влагой
триста первую песню о смерти,
размажешь
бытовые сценки, пейзажи, лица.
Краски смешиваются по-новому, льются,
текут новообразованной рекой
по скромной его мастерской
на четвертом без лифта.

Собирание и разбрасывание камней

Каменосители узнают друг друга.
И как-то мне подарили камень в форме сердца.
Только со мной бывают такие вещи.
Только ко мне на улице подходят незнакомцы
и вкладывают камень в руку, говоря: "Ты сама все знаешь".
А в другой раз я вошла в незнакомом городе
в восточную лавку,
и женщина, поднимаясь со скрипучего стула,
сказала: "А, наконец-то".
Она вложила мне в руку нечто
перламутровое со словами: "Сама решишь, что с этим делать".
Я не знаю, что с этим делать.
У меня полно своих камней.
У меня полно сердец за пазухой.
Я отказываюсь понимать, спасать, переносить чужую тяжесть.
Сколько можно закрывать чужие амбразуры.
Вы ошиблись номером.
Не все дырки в плотинах – размера моего пальца,
да и все ли надо затыкать, если вода неостановима?
Это не для меня.
Вы ошиблись во мне. Ты ошибся.
Я ненавижу порой всю коллекцию.

Каирнову кучу. Каинову печатку.

Каменную крошку.

Отказываюсь светить отраженным светом.

Отказываюсь обдирать ладони чьей-то болью.

...Потом мне, по счастью, становится стыдно.

Я набиваю карман камнями

и отправляюсь разбрасывать,

чтоб расчистить место новым камням.